

Традиционное знание в процессах социокультурных трансформаций

К. В. ЛЮБИМЦЕВ

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)*

Статья посвящена феномену традиционного знания и вопросу его трансляции в изменяющихся социокультурных условиях. Автор проводит анализ особенностей изучения проблематики в различных направлениях современной теории — антропологии, социологии знания, социальной эпистемологии и др. Тема исследования рассматривается в контексте задач управления развитием общества (на примере модернизации), поиска коллективного субъекта такого развития. В статье делается вывод о теоретических и практических перспективах институционального подхода к проблеме производства и дистрибуции общественно-значимого знания. Ключевые слова: традиционное знание, социальное развитие, модернизация, институционализация знания

Traditional Knowledge in the Processes of Socio-cultural Transformations

K. V. LIUBIMTSEV

(STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: The article is about the phenomenon of traditional knowledge and the problem of its transmission under changing socio-cultural conditions. The author analyzes features of study on problems in various areas of the contemporary theory — anthropology, sociology of knowledge, social epistemology, etc. The theme of this research is being explored in the context of tasks of social development management (by the example of modernization) and searching for a collective subject of this development. The article concludes that there are theoretical and practical prospects of institutional approach to the problem of production and distribution of socially meaningful knowledge.

Keywords: traditional knowledge, social development, modernization, institutionalization of knowledge.

Социальная теория отмечает регрессию осмысленного коллективного действия в постиндустриальном мире. Современный социум квалифицируется ведущими исследователями как индивидуализированное общество (З. Бауман), выдвигается тезис о конце общества больших социальных групп (У. Бек). Сегодня ученые склонны больше полагаться на здравый смысл рядового индивидуума и находить обоснование коллективного действия в рациональности частного интереса. «Когда разрушается социальное, приходится изучать культурное. Когда разрушается культурное, приходится изучать психологическое. Когда рушится пси-

хологическое, приходится говорить о биологическом. И снова собирать все это новое, мысленно сконструированное психическое, культурное, социальное» — так характеризует происходящую метаморфозу В. Г. Федотова (Федотова, 2006: 6). Как следствие — общественное знание становится ориентировано на поиски слабо формализованных, неинституциональных начал социальности: сакральных, философско-антропологических либо повседневно-бытовых.

Безусловно, сложившаяся ситуация не уникальна и по своей сути является результатом общего кризиса Современности. На его предыдущих этапах реакцию отторже-

* Любимцев Константин Владимирович — соискатель факультета философии Государственного университета гуманитарных наук. Тел. (495) 697-98-93, (495) 963-06-41. Эл. адрес: socio.philos@gmail.com.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №04-03-00108а).

ния в интеллектуальной среде вызывало омассовление социума, образование толп одномерных людей, легко уступающих гипнотической силе харизматических лидеров (Х. Ортега-и-Гассет, С. Московичи, Г. Маркузе). С другой стороны, антропологический поворот в гуманитарных науках в противовес любимым тотальным мироустроительным замыслам отстаивает принцип достоинства частной жизни и признает его неоспоримый приоритет.

Однако сегодня, когда распространены лозунгами в политике и экономике являются инновация и модернизация, т. е. целенаправленное и контролируемое *развитие*, вновь встает вопрос о коллективном субъекте изменений такого рода, социальных качествах такого субъекта, вопрос о принципах согласования частных действий и интересов. Именно поиски решения задачи управления модернизационными процессами выводят на первый план проблему социокультурного анализа человеческого знания в общем виде, сформулированной антропологом Ф. Бартом, — исследовать, каким арсеналом располагает человек для того, чтобы интерпретировать и изменять мир, включая все формы понимания реальности и накопления жизненного опыта: эмоциональные переживания и разнообразную осведомленность, практические навыки наряду с речевой стилистикой и теоретическими построениями. Понимаем же мы события изменчивой жизни, считает Ф. Барт, «лишь истолковывая их в терминах наших знаний» (Barth, 2002: 1).

Итак, социогуманитарная мысль наших дней исходит из презумпции равной познавательной функциональности теоретических постулатов, идеологических представлений и обыденного опыта. Для нее знание изначально есть то, «что люди «знают» как «реальность» в их повседневной, не- или до-теоретической жизни» (Бергер, Лукман, 1995: 31). Соответственно трактуется и обществоведческая задача: принимать в расчет весь массив эпистемологических данных, *считающихся* знанием в том или ином сообществе. Принцип когнитивной толерантно-

сти социологических теорий разделяет и современная эпистемология. С точки зрения этой дисциплины знание в обществе «не предполагает с необходимостью вербализации или рефлексии рационалистического типа, а может существовать в обыденном сознании, нравственных нормах, практической деятельности, мистическом опыте, искусстве и пр.» (Касавин, 2000: 223). При этом трансляция накопленного в культуре опыта (традиционного знания) представляется независимой от ее социологически релевантной формы, т. е. от структуры «зафиксированных в социуме ролей». Актуальность тем самым приобретает изучение периферийных, но вместе с тем неотъемлемых, элементов человеческих отношений, «характер которых не предполагал их объективацию в структуре общественных институтов» (Касавин, 1990: 6). Имеется в виду передача традиционных знаний *непосредственным* способом, через личное общение родителей с детьми, мастера с подмастерьями, учителя с учениками. Такого рода общение «тем отличается от социальных отношений между людьми, что люди здесь обращены друг к другу не какой-то одной из своих сторон или социальных функций, но коммуницируют как универсальные индивиды» (Касавин, 1990: 6). В поддержку данного тезиса высказываются представители различных отраслей науки. Например, изучая традиции аристократического воспитания в древнеиндийском обществе, В. С. Семенцов приходит к выводу, что задача обучения в тех условиях сводилась не только к первичной социализации учащихся путем усвоения ведийского корпуса знаний (посредством участия в специальных речевых, ментальных и ритуальных практиках). Главной его целью «было воспроизводство не текста, но личности учителя — новое, духовное рождение от него ученика. Именно это — живая личность учителя как духовного существа — и было тем содержанием, которое при помощи священного текста передавалось от поколения к поколению в процессе трансляции ведийской культуры» (Семенцов, 1988: 8). Согласно

этому автору данный принцип составляет сущность традиционной культуры как таковой.

С одной стороны, в антропологической перспективе нивелируется оппозиция традиционного и современного типов социального знания, ценностей и установок. Традиция приобретает здесь положительный смысл как одна из форм связи людей в социальном пространстве-времени, форма равно приемлемая и для традиционалистских общин, и для постсовременного социума. На это указывает, например, К. Поппер: «...всякая социальная критика и всякое социальное улучшение должны опираться на структуру социальных традиций, одни из которых подвергаются критике с помощью других» (Поппер, 2004: 227). Об этом говорит и Ф. Барт, называя ведущую интенцию социально-антропологических исследований, поощряемых ведущими международными организациями (ООН, ЮНЕСКО), *синдромом частности* (Barth, 2002: 2), вызванным традиционным для западного общества отношением к результатам деятельности как к интеллектуальной собственности, подлежащей правовому регулированию, что не типично для *отсталых* обществ, где культура является общим духовным и материальным достоянием.

Но с другой стороны, акцентуация человеческого, индивидуального характера социальных взаимодействий «оборачивалась сужением поля социальности до масштабов непосредственного общения» (Кемеров, 2003: 14). Отдавая прежде предпочтение содержательной стороне трансляции культурной информации, антропологический подход игнорировал формальные аспекты процесса. Поэтому сейчас проблема институционализации, производства и дистрибуции социального знания становится одной из самых обсуждаемых в социальных науках. Поскольку «знание имеет три ипостаси: действенный массив убеждений, круг средств репрезентации и социальную организацию» (Barth, 2002: 1).

На наш взгляд, консолидации всех трех аспектов социального знания в условиях социокультурных трансформаций поспособст-

вует выработка адекватного происходящим переменам общественного языка, философско-научно-обыденного дискурса, своеобразного нового «исправления имен». О ее актуальности напоминает Г. Рормозер, отмечая, что «в эпоху античности философы говорили о политике на том же языке, что и народ, когда тот высказывался о политике. Ныне же политическая наука выработала язык, которым простые граждане вообще не пользуются и которого они в определенной мере даже не понимают» (Рормозер, 1996: 93–94). Эти слова справедливы и по отношению к нашему обществознанию. Заимствованные из лексикона западной науки понятия (такие как демократия, гражданское общество, рыночная экономика, модернизация) воспринимаются массовым сознанием лишь как условные знаки, отсылающие к реалиям чужой жизни. В итоге категории утрачивают строгость теоретического определения и легко поддаются идеологическому переоснащению. Очевидно, что проблема перевода научной терминологии на язык повседневности находится в прямой зависимости от степени адекватности, с которой новые понятия способны раскрывать сущность общественных изменений.

Российский опыт модернизации демонстрирует рассогласованность заявляемых элитами целей реформ и повседневного опыта большинства населения. Модернизация, предполагающая коренное преобразование жизнеустройства, несмотря на свой априорно проективный, планомерный (но отнюдь не запрограммированный) характер, должна бы высвобождать социальную энергию и направлять ее в продуктивное русло. Однако реальность расходится с логикой проекта, отвечая пассивным сопротивлением масс попыткам директивного управления. На этом фоне общество не просто продолжает воспроизводить освоенные схематизмы деятельности, но проявляет неприятие перемен. В результате утрачивается понимание общей цели, а апелляция к общественному благу рассматривается как покушение на частный интерес.

Как показывает опыт, схожие концептуальные провалы имеют место в самых разных регионах. В начале 1970-х годов исследователь из Малайзии А. Рахман, прослеживая динамику идеологических настроений в бывших колониях, констатировал, что «социальная изоляция науки препятствует критическому изучению прошлого — прошлое остается основой ценностных суждений и ориентиром деятельности; средства, полученные в результате научных исследований, ни к чему не ведут, и во всяком случае, они не становятся проводниками и каналами распространения научного мировоззрения и научных методов; науку не используют в качестве ориентира социальных и культурных преобразований, т. е. она не стала основой социальной организации...» (цит. по: Петров, 2004: 45–46).

Описанная коллизия традиционалистской культуры и стремления к процветанию нередко расценивается как конфликт ценностей и знания, острота которого на первый взгляд снята в западных обществах, где накопительские инстинкты успешно переплавляются в социально приемлемые формы предпринимательской активности, а рациональное познание является одной из основополагающих культурных ценностей. Однако подобная интерпретация проблемы представляется упрощенной. Если буквально следовать логике А. Рахмана, появляется соблазн считать, что антагонизм знания и ценностей будет исчерпан, как только научный способ познания мира станет «основой ценностных суждений и ориентиром деятельности». Закономерен вопрос: не означает ли это, что наука обретет статус всеобщей общественной ценности путем воссоздания единства идеалов истины и блага? Однако единство *блага и истины* является идеалом культуры традиционного общества. И вместе с тем в повседневной жизни всеобщность высшего блага распадается в соперничестве частных ценностных предпочтений. Так же обстоит дело и с истиной. Здравый рассудок подсказывает человеку традиционной культуры, что теоретическое знание, императивы

практического разума и реальный жизненный опыт не тождественны и имеют пределы своей компетенции и, следовательно, ограниченную ценность (понимаемую как полезность).

С другой стороны, распространенные рассуждения о принципиальной несовместимости западной и восточной систем ценностей маскируют подспудный иррационализм самой «западной» науки. Примером этому может служить проблематичный опыт внедрения программы ООН по ограничению рождаемости в развивающихся странах в 1950-х годах. Теоретически выверенная, статистически обоснованная и апробированная в европейских условиях, эта программа не нашла поддержки населения и части политического класса в слабо развитых регионах. Примечательно, что как сторонники, так и противники политики демографического контроля рассматривали возникавшие препятствия преимущественно в категориях ценностей. Первые из них указывали на культурную отсталость местного населения и приверженность иррациональным поведенческим и когнитивным стереотипам как на причины неудачи политики ограничения рождаемости. Вторые, напротив, апеллировали к вековой мудрости народа, воплощенной в обычаях, ритуалах и традициях, в том числе и традиции многодетности. Обе стороны дискуссий видели в региональной специфике непреодолимые культурные различия Востока и Запада, главное из которых — невосприимчивость представителей восточных обществ к рациональной аргументации. Однако, как только демографическая стратегия населения третьего мира была проанализирована с точки зрения экономической мотивации людей, стала очевидной ее практическая рациональность и жизнеспособность. Демографы же, ориентированные на рационализацию сознания традиционных общин, фактически «неосознанно ожидали от них совершения отложенного самоубийства» (Акофф, 2002: 396).

В обществах с преобладающим традиционным укладом, где на развитие челове-

ских задатков накладываются разнообразные ограничения, господствует утилитаристское социальное мышление. Жизненное благополучие человека в таком обществе связано с экономическим благосостоянием его семьи, зависит от накопленного богатства и практического опыта ведения хозяйства. Значение здесь приобретает именно объем передаваемых новым поколениям практических навыков и знаний. Представляется, что традиционное знание в современном социуме не может трактоваться исключительно с прагматической точки зрения — как воспроизводимая совокупность общественно полезных сведений и поведенческих образцов. Знание, понятое таким образом, отчуждается от задачи установления социальных связей, выработки общих целей и становится только средством адаптации, но не модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акофф, Р. (2002) Акофф о менеджменте : пер. с англ. СПб. : Питер.
- Бергер, П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с англ. М. : Медиум.
- Касавин, И. Т. (1990) Познание в мире традиций. М. : Наука.
- Касавин, И. Т. (2000) Традиции и интерпретации. М. ; СПб. : Изд-во РХГИ.
- Кемеров, В. Е. (2003) Знание — социальная связь // Знание в связях социальности / отв. ред. Т. Х. Керимов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 7–18.
- Петров, М. К. (2004) Язык, знак, культура. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС.
- Поппер, К. Р. (2004) Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. М. : АСТ, Ермак.
- Рормозер, Г. (1996) Кризис либерализма : пер. с нем. М. : ИФ РАН.
- Семенцов, В. С. (1988) Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М. : Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука». С. 5–32.
- Федотова, В. Г. (2006) Вместо введения // Новые идеи в социальной философии. М. : ИФ РАН.
- Barth, F. (2002) An Anthropology of Knowledge // Current Anthropology, Volume 43, Number 1, February. P. 1–18.

Внимание!

В связи с тем, что на сайтах некоторых неблагонадежных организаций, специализирующихся на написании «диссертаций под ключ», была обнаружена информация о том, что за определенную плату возможна срочная публикация статей в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых журналов ВАК, Редакция доводит до сведения, что это противоречит законодательству РФ и просит авторов воздерживаться от сомнительных услуг мошенников.

Вновь обращаем внимание авторов на то, что публикации статей диссертантов в журнале «Знание. Понимание. Умение» осуществляются БЕСПЛАТНО, основаниями для публикации являются соблюдение правил подготовки статей (опубликованы на сайтах <http://www.zpu-journal.ru/> и <http://www.mosgu.ru/>), и решение редколлегии по итогам экспертизы и с учетом конкурса присылаемых для публикации материалов. Редакция дорожит репутацией журнала и не берет никаких «благодарностей» за издание статей аспирантов и докторантов. Если Вам предложено заплатить за издание Вашей статьи в журнале «Знание. Понимание. Умение», просим немедленно сообщить об этом заместителю главного редактора или ответственному секретарю журнала по телефонам и электронной почте, указанным на обозначенных выше сайтах.